

РЕЦЕНЗИИ

Michael Kennedy, Joseph Skelly (eds.), *Irish Foreign Policy, 1919-66, From Independence to Internationalism*, Four Courts Press, Dublin 2000, 350 p.

На пороге XXI века Ирландия, насчитывающая немногим более восьмидесяти лет, занимает бесспорно прочное и вместе с тем привилегированное место «среди народов мира». Благодаря членству в Европейском Союзе, ее ограничения, являющиеся следствием величины и местоположения, уравниваются принадлежностью к наиболее сложной дипломатической коалиции в мире. Отношения Ирландии с соседом по-прежнему являются доминирующими, но в этом более широком контексте они становятся менее напряженными. Дипломатические отношения выходят сегодня за рамки задач, решаемых профессиональными дипломатами, в них принимают участие также представители государственных институтов и неправительственных организаций. Путь, пройденный Ирландией, не был простым, а шаги, предпринимавшиеся ирландскими дипломатами, часто не до конца верно понимались. Целью представляемой публикации является рассмотрение наиболее важных из этих шагов, чтобы этот путь стал более ясным и понятным. Книга представляет собой сборник 16 статей, освещающих наиболее важные события в ирландской внешней политике в период 1919-1966 гг. Авторы – Майкл Кеннеди, редактор публикаций, касающихся внешней политики Ирландии в *Royal Irish Academy's Documents*, автор *Ireland and the League of Nations, 1919-1946*, соредактор *Documents of Irish Foreign Policy: Volume I, 1919-22*, и Джозеф Моррисон Скелли, профессор истории в College of Mont Saint Vincent в Нью-Йорке, автор, в частности, *Irish Diplomacy at the United Nations, 1945-65: Conor Cruise O'Brien* – собрали под одной обложкой статьи, написанные с опорой на документы из Национальных архивов в Дублине, доступ к которым был открыт только в 1991 г.

Каждый из них является автором одной статьи, совместно ими написана вводная часть, озаглавленная *The Study of Irish Foreign Policy from Independence to Internationalism*, в которой доступно изложена история изучения ирландской внешней политики. В целом данный сборник представляет собой уникальное издание, в котором впервые предпринята попытка столь тщательного анализа рождающейся ирландской внешней политики исключительно с опорой на ирландские источники, поскольку все предшествующие публикации по данной проблематике опирались на документы из архивных источников других государств. Таким образом, 1991 год стал переломным в истории изучения ирландской внешней политики – это первый взгляд сквозь призму первоисточников на развитие ирландской внешней политики, начиная с ее принципов, а также с учетом деятельности ирландских дипломатов, создающих эту политику. В дипломатической переписке рассматриваемого периода отчетливо вырисовываются фигуры выдающихся деятелей ирландской внешней политики, таких, как, например, Джозеф Уолш – многолетний секретарь Департамента иностранных дел, его правая рука Шон Мэрфи, а также другие – Шон Лестер, Майкл МакУайт, Денис Девлин, Лео МакКэйли.

Этот сборник статей переносит нас в период с 1919 г. до середины 60-х гг., т. е. во время, когда независимая Ирландия совершала путь от «героической эпохи» борьбы за независимость и суверенность на международной арене – согласно определению авторов – до периода борьбы за сохранение собственной философии внешней политики в годы войны и после ее окончания. Процесс вовлечения Ирландии в многосторонние международные отношения после войны оказался намного более сложным, чем это следовало из ранее опубликованных работ. Отрадно, что появилась книга, столь глубоко осветившая данную проблематику.

Главы, составившие данное издание, затрагивают широкий круг проблем, рассмотрение которых было бы крайне затруднено до открытия Ирландских национальных архивов. Соавторы создавали свои статьи в соответствии с кругом своих научных интересов. Каждая из глав представляет собой анализ одного из значимых событий или периодов в истории ирландской дипломатии. Так, был рассмотрен целый ряд таких существенных вопросов, как: роль, на которую претендовало только что созданное ирландское государство на миро-

вой политической арене и в Лиге Наций, его рождающиеся дипломатические контакты в мире, рассмотренные сквозь призму европейских отношений, постепенно складывающиеся отношения Ирландии с межвоенной Германией, Францией эпохи Виши, а также послевоенной Италией и Австрией, политика правительства Ирландии в отношении еврейских беженцев перед самым началом II мировой войны, а также в отношении созданного сразу после войны государства Израиль, ирландские отношения после войны с возникающими экономическими организациями, в частности, участие в Плате Маршалла, отношения с ЕАСТ (Европейской ассоциацией свободной торговли) и ЕЭС, стремление к защите ирландских национальных интересов на международных форумах с особым упором на позицию Ирландии в Организации Объединенных Наций, а также каким образом, используя принцип *raison d'état*, ирландская внешняя политика от зависимости перешла к интернационализму – *from independence to internationalism*.

Следует отметить, что если раньше в кругу историков преобладало мнение, что ирландско-английские отношения составляли основное измерение ирландской внешней политики, то благодаря рассматриваемому изданию становится очевидно, что внимание ирландских дипломатов в период с 1919 по 1966 гг. привлекал намного более широкий диапазон проблем. Разумеется, ирландско-английские отношения всегда были и остаются сегодня важнейшей сферой их интересов. В то же время данное издание представляет их новый любопытный аспект: ирландская внешняя политика как фактор британской дипломатии. Эта проблема затрагивается в статьях Эунана О'Харпина, Троя Девиса, Дейдре МакМагона и Ронана Фэннинга, которые, в частности, пытаются рассмотреть проблему роли британской разведки в ирландской внешней политике, ирландско-американский фактор в послевоенных англо-американских отношениях, влияние ирландского прецедента на развитие Британского Содружества, а также то, каким образом ирландская политика нейтралитета повлияла на британскую политику в сфере безопасности.

В этих главах, как и в остальных статьях книги, недооценивается, на наш взгляд, важный фактор в развитии международных отношений, о котором стоило бы помнить в работе, посвященной конкретной стране, а именно взаимозависимость национальных внешних политик. Это один из немногих,

если не единственный недостаток, на который можно было бы указать авторам. Ни одна внешняя политика не проводится в пустоте, дипломаты вынуждены в своих действиях постоянно учитывать развитие ситуации на международной арене. Этот фактор, будучи частью международной политической жизни, действует не только в отношении небольших государств, каким, несомненно, является Ирландия, но и крупных, таких, например, как Великобритания, которая в целом ряде случаев была вынуждена учесть позицию своих меньших соседей во внешней политике.

Несомненным достоинством данного исследования является то, что все его части имеют целью показать (и это, как мне кажется, удастся), каким образом ирландская внешняя политика в первые 50 лет своего существования ввела Ирландию – государство, вовлеченное как в дву-, так и многосторонние отношения, – в систему международных отношений.

Особо следует подчеркнуть объективность, которую демонстрируют все статьи, даже в случае столь трудных для анализа вопросов, к каким, несомненно, принадлежат ирландско-германские отношения в период III Рейха или отношения с французским режимом Виши.

Доступ к Национальным архивам Ирландии в результате вывел исследования по истории ирландской дипломатии на совершенно новый уровень; теперь в среде историков развернулась настоящая дискуссия по поводу отчетливо выделившихся в ирландской внешней политике этапов, что ранее было невозможно. Эта тенденция заметна в статьях, посвященных деятельности Чарльза Бевели в Берлине, ирландской политике в отношении еврейских беженцев накануне II мировой войны, ирландской реакции на План Маршалла, а также месту национальных интересов Ирландии в проводимой ею внешней политике. Такая систематизация истории ирландской внешней политики дает возможность пересмотреть существовавшие ранее представления об отношениях Ирландии с другими государствами, позволяет лучше понять интересы ирландского государства, а также побуждает к более углубленному подходу к анализу ирландских обязательств в мире.

По мнению авторов, вплоть до конца 1970-х гг. трудно говорить о компетентных исследованиях в сфере ирландской внешней политики, как в самой Ирландии, так и за ее пределами. Разумеется, источники были, однако в отношении периода с 1920-х до конца 1960-х гг. не существовало ни одной

сложившейся группы аналитиков, занимающихся ирландской внешней политикой. Эта тема, конечно, не была запретной в исследованиях по истории Ирландии, во многих публикациях появлялись фрагменты, главы, анализирующие внешнюю политику того времени, но ни одна авторитетная монография на эту тему не была опубликована. Отсутствие интереса к ирландской внешней политике отмечалось вплоть до конца 1960-х гг., несмотря на то, что за это время Ирландии удалось создать свое собственное международное «лицо», достаточно вспомнить хотя бы о роли посредника, в которой выступала Ирландия на сессии Организации Объединенных Наций, куда она вступила в 1995 г., о ее участии в миротворческих операциях ООН, например, в Конго. Эти события вызвали довольно заметный рост интереса ирландского общественного мнения к ее отношениям с широко понимаемой заграницей.

Появление двух монографий – *The Restless Dominion* Дэвида Харкесса в 1969 г. и *The Formulation of Irish Foreign Policy* Патрика Китингса четыре года спустя – положило начало серьезному изучению ирландской внешней политики. В большинстве работ на эту тему, которые с тех пор появились, рассматриваются в первую очередь англо-ирландские взаимоотношения, что можно объяснить или отсутствием доступа к источникам, или сферой интересов исследователей. Рассматриваемая публикация восполняет этот пробел. Довольно «экзотичными» могут показаться статья Майкла Кеннеди, посвященная поддержке ирландской борьбы за независимость и признанию этого новообразованного государства в странах Латинской Америки, а также статья Джозефа Моррисона Скелли о роли посредника, выпавшей Ирландии на сессии ООН при рассмотрении Генеральной Ассамблеей спора о Южном Тироле между Италией и Австрией. Это отчасти можно объяснить тем, что эти темы новы и ранее не затрагивались столь подробно, хотя они не менее важны, чем отношение Ирландии к еврейским беженцам накануне II мировой войны или ее участие в Плане Маршалла.

Богатый список литературы, использованной авторами, точность и тщательность использования доступных источников указывают на то, что, создавая свои статьи, они осознавали, что это работы пионерские и что они станут отправной точкой для дальнейших исследований в данной области в последующие годы.

Невозможно рассмотреть все статьи, включенные в данное исследование, но, чтобы пробудить интерес к нему, стоит обратить внимание на работу Паули Уайли (*Paula Wylie, „The Virtual Minimum“: Ireland’s Decision for De Facto Recognition of Israel, 1947-9*), в которой очень подробно рассматривается проблематика, связанная с признанием государства Израиль Республикой Ирландия. Как следует из статьи, весьма существенное влияние на политику Ирландии по данному вопросу, и не исключено, что и по ряду других вопросов, оказал Ватикан. Ирландское правительство, как показывает автор, ставило в прямую зависимость признание нового государства от соблюдения им неприкосновенности Священных Мест в Иерусалиме и его окрестностях, что было также условием Папского Престола. Де-факто Израиль был признан Ирландией со дня образования государства в 1948 г., и такая ситуация сохранялась вплоть до 1963 г., когда было провозглашено признание де-юре и состоялся обмен дипломатическими представительствами. В течение всего этого времени Ирландия настаивала на обеспечении Израилем неприкосновенности Святых Мест на тех же принципах, которые выдвигал Ватикан. Данный текст наглядно демонстрирует, какое важное значение для католической Ирландии, очень молодого государства, имела в тот период поддержка со стороны Ватикана. Работа не дает ответа на вопрос, было ли столь же важным для ирландских властей мнение Ватикана по другим вопросам, можно предположить, что да, но вот по каким? И как долго? С другой стороны, остается загадкой, почему ирландцы не усмотрели параллелей между разделом Израиля и разделом Острова, непонятна и их позиция по проблеме еврейской диаспоры, которую можно было бы сравнить с рассеянием ирландцев по миру, что могло создать своего рода нить взаимопонимания на международной арене, но этого, как известно, не произошло. Симптомом отсутствия связи такого рода могла быть позиция правительства Ирландии, имеющей во время II мировой войны статус нейтрального государства, жесткие миграционные правила которого не позволили осесть в нем беженцам еврейского происхождения с территорий, охваченных военными действиями, и прежде всего с территории Германии; довольно интересно представляет эту проблему Катарина Голдзоун в статье под названием *„Benevolent Helpfulness?“ Ireland and the International Reaction to Jewish Refugees, 1933-39*.

Следует отметить, что эволюция и реализация политики в отношении еврейских беженцев в Европе в целом в 1930-е гг. была сложным процессом. Она зависела от отношения к иностранцам, которое в случае лиц еврейского происхождения было обычно негативным. Британская политика в отношении иностранцев развивалась на базе сложившейся в XIX в. необходимости установления границ для защиты от наплыва иностранцев. Ирландские диссиденты опирались на британскую модель поведения. Это играло на руку британцам. Англо-ирландское неформальное сотрудничество в сфере приема беженцев развивалось с 1922 г. Так же, как их британские коллеги, ирландские политики применяли существующие правовые нормы по отношению к еврейским беженцам, стремясь, скорее неумело, приспособить их к условиям оттока большого числа лиц из страны, где они были жертвами политической и религиозной дискриминации.

После 1938 г. эта политика формировалась под воздействием международных событий. Ирландская политика в отношении беженцев, несмотря на попытки приспособить ее к требованию момента, ориентировалась на британскую позицию, которая всегда была решительной и жесткой, хотя после Хрустальной ночи она несколько смягчилась. Вплоть до 1938 г. ирландские чиновники не стремились к формированию собственной политики в отношении беженцев, и только 1938 г. заставил их приступить к решению этой проблемы. Точно неизвестно, сколько евреев просили разрешения на въезд в Ирландию, однако безусловно их число доходило до нескольких сотен, если не тысяч. Только небольшой процент желающих был принят, в 1939-1947 гг. были удовлетворены 140 прошений. В то же время ирландский случай реакции на кризис беженцев следует рассматривать в более широком историческом контексте, учитывая при этом господствующее также в других государствах, и прежде всего в Великобритании, убеждение в том, что иммигрантов следует принимать, а беженцев – нет, но еврейские иммигранты и беженцы принимались еще менее охотно, чем все прочие. Главным аргументом как в Ирландии, так и в Канаде, Южной Африке, Великобритании или Австралии было утверждение, что «слишком много евреев могут спровоцировать рост антисемитизма».

Ирландская политика непризнания Израиля проводилась Департаментом иностранных дел с 1949 г. по 1963 г. как одно-

сторонняя внешняя политика. Историки выдвинули гипотезу, что Ирландия отказалась признать его де-юре, чтобы выразить свой протест в связи с отсутствием должного уважения к Святым Местам в Иерусалиме и его окрестностях. Архивные материалы Департамента иностранных дел, а также Департамента премьер-министра, однако, заставляют думать, что такая политика была вызвана также желанием отодвинуть просьбу об установлении нормальных дипломатических отношений со стороны Израиля, включая присутствие израильских дипломатов в Дублине. В конце концов, непризнание является прерогативой суверенного государства, однако само по себе непризнание не изменяет конкретных фактов на международной арене и не влияет на существование самого государства. Принимая некоторые решения в сфере дипломатии, Ирландия часто входила в «теневую» сферу международного права. Относительно немного правовых последствий вытекает из односторонних шагов в существующей системе международных отношений. Как заметил один из юристов, исследовавших явление непризнания на международной арене, признание государства, правительства или территориального прецедента может легко привести к злоупотреблениям. История и практика знают примеры таких злоупотреблений. В случае с Израилем Ирландия дает нам очередной исторический пример.

Трудно было бы обойти вниманием вопрос ирландского присутствия в европейских структурах. Пишет об этом Дермот Кеог в статье, озаглавленной *Irish Neutrality and the First Application for membership of the EEC, 1961-3*. Автор показывает, как первая заявка о членстве Ирландии в ЕЭС стала серьезным уроком политического реализма для ирландских властей. Шоком для правительства Ирландии стало открытие того, как воспринимают Ирландию в Вашингтоне и столицах Большой шестерки.

Джордж Балл, вице-секретарь по вопросам экономики в правительстве Ирландии, комментируя в своих воспоминаниях политику нейтральных европейских государств в 1960-е гг., ни словом не упоминает об Ирландии. Возможно, это просто упущение, но, скорее, оно сознательное, если принять во внимание факт, что ирландский нейтралитет был неоднозначным и противоречивым в этот период, а место Ирландии более отчетливо выделось в кругу стран Североатлантического альянса, чем среди нейтральных государств. Несмотря на то, что данный вопрос в 1962 г. не был никоим образом связан с

договорами о ЕЭС, ирландская заявка о членстве была воспринята крайне осторожно правительствами «шестерки». Ирландия, сохранявшая нейтралитет во время II мировой войны, стала первым государством, не входящим в НАТО, которое выразило свое желание вступить в ЕЭС. Это породило целый ряд высказываний ирландских политиков, желающих определенным образом прояснить позицию Ирландии по вопросу принадлежности к НАТО, однако их обоснования традиционно вращались вокруг государственного интереса Ирландии, противоречащего участию в военных структурах. В то же время заявка о вступлении привела к новым изменениям – ирландско-британские отношения существенно упрочились в течение всего периода, предшествовавшего вступлению в ЕЭС. Для ирландского министра иностранных дел – С. Лемасса – приоритетной задачей стало урегулирование отношений с Великобританией, что означало попытку решения ситуации по линии Дублин–Белфаст, отодвинутой на дальний план, а фактически непрерывно ухудшавшейся с 1925 г. Поэтому вопрос о НАТО оставался в тени.

В заключение – одно замечание: польский читатель почти не найдет в этом издании отсылку к Польше и к другим странам Центральной и Восточной Европы. Проблема отношений с Восточным блоком здесь не рассматривается. Придется подождать новых исследований.

Катажина Сохацка

Alexandros Yannis, *Kosovo Under International Administration: an Unfinished Conflict*, Hellenic Foundation for European and Foreign Policy, Athens 2001, 172 p.

Почти полное окончание процесса деколонизации в конце восьмидесятых годов прошлого столетия давало основания для предположений, что категория субъектов, подлежащих международному администрированию, останется незаполненной. В институциональном смысле показательным примером этого был фактический упадок Совета по опеке ООН. Эти надежды, впрочем, вписывались в более общее убеждение в том, что мир входит в наступившую после окончания холодной войны эпоху сосуществования всех государств, соперничающих между

собой лишь в экономической сфере. Такой необоснованный оптимизм быстро угас в связи с событиями девяностых годов, в особенности с распадом бывшей Югославии, результатом которого была, в частности, необходимость охвата международным правлением Боснии и Герцеговины, а также – несколько лет спустя – Косова.

Александрос Яннис по нескольким причинам является одним из авторов, лучше всего подготовленных к тому, чтобы писать на эту тему. Во-первых, он греческий исследователь, гражданин государства, находящегося в непосредственном соседстве с бывшей Югославией, жизненно заинтересованного в стабилизации региона. Естественно, что исследования балканских проблем там более интенсивны, чем, например, в Польше или странах Западной Европы. Во-вторых, он специалист, при этом как теоретик, так и практик, занимающийся проблемами т. н. несостоявшихся государств. Он автор кандидатской диссертации, названной *State Collapse and the International System: Implosion of Government and the International Legal Order from the French Revolution to the Disintegration of Somalia*, в 1994-1997 гг. был советником Специального посланника Европейского Союза в Сомали, а в 1999-2000 гг. исполнял обязанности политического советника Специального представителя Генерального секретаря ООН в Косове.

Опыт непосредственного участника оказывает положительное влияние на содержание книги. По замыслу она должна касаться юридических и институциональных аспектов международного присутствия в Косове, что могло бы привести к концентрации на анализе правовых положений. К счастью, автор пошел в другом направлении: анализ предписаний он оставил читателю (в конце книги как вспомогательный материал помещены основные правовые акты и иные документы, регулирующие деятельность временной администрации Косова), а сам сосредоточился на проблемах, связанных с их реализацией. В самом общем смысле основной проблемой является отсутствие решения по будущему статусу Косова: будет он частью Сербии, наделенной широкой автономией, или обретет независимость. Данная проблема в определенном смысле является осью темы, вызывая другие проблемы, связанные с балансированием между устремлениями сербов и косовских албанцев. Прогноз автора скорее пессимистичен (что, впрочем, видно по самому заглавию): нынешний статус Косова, как территории, находящейся в ведении междуна-

родной администрации, будет удерживаться долго. По его мнению, в настоящее время это единственный безопасный выход, в особенности потому, что обе стороны конфликта видят в данной ситуации некий выгодный гомеостаз: для властей в Белграде это означает стабилизацию, в частности, ограничение проникновения албанских террористических организаций на территории, находящиеся под их юрисдикцией, а для косовских албанцев – отсутствие права Белграда распоряжаться в Косове.

Однако не только неясность будущего Косова приводит к трудностям в осуществлении правления. В первой части книги автор подвергает анализу положения, определяющие временное устройство Косова, особенно взаимоотношения между органами гражданской администрации, курируемой УНМИК (Миссия ООН по временному управлению в Косове), и военной администрацией (КФОР), подчиняющейся НАТО. В качестве высшего гражданского органа был учрежден пост Специального представителя Генерального секретаря ООН. Международная администрация с момента вывода югославских вооруженных, полицейских и парамилитарных сил осуществляет полный контроль над территорией Косова. Компетенция УНМИК, а особенно Специального представителя, распространяется очень широко, охватывая законодательные и исполнительные права, а также судопроизводство. Казалось бы, такая крайняя концентрация компетенции не оставляет места существенным помехам в процессе принятия решений. Однако ситуация здесь усугубляется сложностью структуры самой УНМИК, вытекающей из широко определенных задач. УНМИК составляли четыре опоры, входящие в компетенцию разных организаций: компонент, ответственный за гуманитарную помощь, находился в ведении Высокого комиссара ООН по делам беженцев, гражданская администрация осуществлялась самой ООН, компонент, ответственный за демократизацию и создание институтов, курировался ОБСЕ, а ответственный за восстановление и экономическое развитие руководился ЕС. Описывая проблемы, вытекающие из сущности этого до сих пор не применявшегося построения, в котором следовало объединить деятельность независимых организаций с разными системами принятия решений и разными философиями действия, автор указывает, что речь идет не только о различиях в структурах управления, но также о том, что опоры УНМИК на высшем уровне в юридическом и политическом смысле

принадлежат разным субъектам. Он приводит пример трений между ООН и ЕС по вопросу об использовании финансовых средств, в котором ООН обычно ориентировалась на достижение краткосрочных социальных целей, в то время как ЕС концентрировался более на достижении и соблюдении макроэкономической дисциплины. Одним из отрицательных результатов этого спора был, как это определяет автор, энергетический скандал зимой 1999-2000 гг., когда в течение нескольких дней при минусовой температуре не было электроэнергии. Причиной трений были не только различия в подходе к проблемам, но также, как бывает в таких ситуациях, споры о разделении компетенции. Таким образом, естественно, что самую большую роль в процессе принятия решений играет Специальный представитель Генерального секретаря ООН. Более того, важнее, чем формальный пост, его личные способности ведения переговоров и решения споров. Количество этих споров, реальных и потенциальных, вытекает из множества сторон, вовлеченных в различном качестве в проблемы Косова: это косовские сербы и албанцы (в том числе самозванные муниципальные власти в некоторых округах, а также представители, легально избранные во время свободных выборов), власти Сербии, вышеупомянутые международные организации, состоящие из УНМИК и командования КФОР. При этом следует иметь в виду, что ни одна из данных организаций не является однородным целым и каждая из них имеет собственную внутреннюю динамику, основанную, с одной стороны, на сотрудничестве, а с другой – на соперничестве. Само устройство Косова подвергается изменениям, согласно программе строительства демократических институтов, в направлении формирования политических представительств населения региона, уважения прав человека. Это создает возможность появления новых участников и, таким образом, с одной стороны, в определенном смысле усложнения отношений, но с другой – их нормализации и стабилизации. Представляется, что это и есть способ, который автор рецензируемой книги считает лучшим путем, ведущим к ситуации, когда сами заинтересованные стороны мирно решат судьбу Косова. Во второй части книги автор анализирует возможные ситуации: независимость, широкая автономия или «кантонизация». Достижение этапа, когда различные силы будут в состоянии найти консенсус, однако, будет продолжаться еще

долго, и поэтому название книги снабжено значимым подзаголовком: *Незаконченный конфликт*.

Что же такое рецензируемое произведение и чем оно может стать? Это, несомненно, хорошо разработанное исследование случая – интересного не только с точки зрения драматизма ситуации, в которой находится Косово, но и тем, что это до сих пор уникальный случай установления международного правления такого сложного характера и такого широкого масштаба. Однако *Kosovo under International Administration* может представлять собой и нечто большее – источник вдохновения для разработки новой модели такого правления в будущем. После издания книги Косово по-прежнему остается под международным правлением, хотя постепенно возникают незначительные изменения в его временном устройстве. Одновременно в этот период произошло положительное (по крайней мере формально) урегулирование конфликта в Восточном Тиморе, который в 2002 г. получил независимость, что закончило период временного международного правления ООН в этой стране, установленного в 1999 г. С другой стороны, вследствие американской интервенции в Ираке там было установлено временное правление несколько иного типа, чем вышеупомянутые. Это дает возможность сравнения разных моделей такого правления: с одной стороны, такой, в которой ведущую роль получает представитель ООН, а с другой – такой, в которой высшая компетенция принадлежит представителям государств, совершивших интервенцию (тип, приближенный к классической оккупации, обогащенный, однако, элементами стабилизационной миссии), при небольшой, вспомогательной роли ООН. Наверняка в будущем мы станем свидетелями соперничества этих двух моделей, ибо, по всей вероятности, в мире еще хватит «несостоявшихся» государств.

Stanley R. Sloan, *NATO, The European Union, And the Atlantic Community. The Transatlantic Bargain Reconsidered*, Rowman & Littlefield Publishers, INC., Oxford 2003, 287 p.

Представляемая книга является очередной публикацией Стенли Р. Слоуна, которую следует отнести к руслу «трансатлантической дискуссии». Слоун-старший, специалист по делам международной политики безопасности Исследовательской службы Конгресса США, а также основатель *Atlantic Community Initiative*¹, является автором многих монографий, посвященных проблематике безопасности, в особенности вопросу о будущем НАТО. Но в данном случае свои рассуждения автор поместил в гораздо более широкий контекст. Он задумывается над будущем трансатлантических отношений, выдвигая при этом тезис, что они нуждаются в разработке новой формулы. Уже в этом месте видно, что автор поставил перед собой очень рискованное задание. Количество публикаций на эту тему, появившихся за последние полвека, и даже в течение последнего десятилетия, заставляет усомниться, можно ли в этой области предложить мысль столь оригинальную, чтобы не велеть читателю испытать своего рода интеллектуальное *deja vu*.

Внимательное чтение развеивает подобные сомнения, несмотря на то, что автор анализирует общеизвестные факты, а некоторые выводы из проведенного анализа мы находим также в работах других исследователей. В первых шести главах упоминаются события, сопутствующие возникновению и очередным этапам эволюции НАТО. Эта эволюция, что здесь четко обозначено, продолжается с самого начала существования альянса (он должен был, в частности, столкнуться с такими нелегкими обстоятельствами, как упадок идеи Европейского оборонного сообщества, выход Франции из военной структуры НАТО, ремилитаризация Германии и т. п.). Таким образом Слоун возражает мнениям тех исследователей, которые в сегодняшней необходимой редефиниции роли НАТО усматривают симптомы кризиса организации, вынужденной якобы, после исчезновения советской угрозы, искать новый смысл своего существования. Ибо Североатлантический

---

¹ *The Atlantic Community Initiative* является неправительственной организацией, образованной в 2001 г. с целью распространения информации, пропаганды диалога и укрепления связей в евроатлантических отношениях.

альянс – утверждает Слоун, ссылаясь на слова Харланда Кливленда (посла Соединенных Штатов в НАТО в 1965-1969 гг.) – не возник в результате классических переговоров по бизнесу. Союз является устойчивым, а он мог возникнуть потому, что его стороны разделяли то же мировоззрение и те же ценности. Данное обстоятельство и определяет тот факт, что имманентной чертой НАТО является его способность адаптироваться к новым условиям.

Это, однако, не означает, что содержание договора между союзниками (автор традиционно использует здесь выражение *transatlantic bargain*) и способ его осуществления не подвергаются существенным изменениям. Автор указывает несколько причин модификации. Во-первых, государства не всегда склонны реализовать все обязательства, вытекающие из договора. Во-вторых, трудно иногда согласовать противоположные интересы союзников. И, наконец, в-третьих, восприятие угроз для безопасности и определение способов преодолеть их по обе стороны Атлантического океана бывают совершенно разными.

Вопрос разделения между собой обязательств (*burden sharing*) и их выполнения упоминается Слоуном уже во второй главе, когда он пишет о заседании министров иностранных дел, обороны и финансов государств НАТО в Португалии в 1952 г. Тогда было принято решение о реализации т. н. лиссабонских целей. К сожалению, европейские союзники никогда не реализовали возложенных на себя тогда обязательств, вопрос же их разделения внутри НАТО все еще вызывает большие эмоции и провоцирует недоразумения. В основе образования альянса лежало предположение, что обе стороны «справедливо» разделят между собой обязательства. После упадка идеи Европейской коллективной обороны стало, однако, понятно, что безопасность Европы будет зависеть от военного потенциала Соединенных Штатов. Много места автор отводит описанию тщетных усилий США, которые должны были склонить европейцев взять на себя бульшую ответственность за свою безопасность (инициатива сенатора Мансфилда в 1966 г., который выступал за редукцию американских сил в Европе; доктрина Никсона и т. п.). Эти размышления должны также служить иллюстрацией очередного тезиса Слоуна – существо споров между союзниками, независимо от момента их появления, по сути дела не меняется.

Интересными являются также рассуждения автора относительно различий в восприятии угроз безопасности и способов преодоления их. Здесь упоминаются, например, известные аргументы европейцев, которые упрекают Соединенные Штаты в крайностях оценок (ранее в отношении риска в связи с некоторыми действиями Советского Союза, сегодня же в отношении угроз со стороны террористических групп), а также непонимание факта, что Европа предпочитает решать кризисы невоенным путем, т. е. посредством пропаганды поликультурного диалога, выделения помощи по развитию наименее развитым государствами в мире, укрепления позиции международных организаций, ответственных за сохранение безопасности, избежания открытой вооруженной конфронтации и т. п. Целесообразно при этом заметить, что похожие взгляды разделяет Р. Каган в книге *Of Paradise and Power: America and Europe in the New World Order*² – одной из самых последних публикаций на тему трансатлантических отношений. Оба автора усматривают первопричину этих споров в разном военном потенциале обоих партнеров, а выводы, вытекающие из этих констатаций, в принципе не отличаются друг от друга, – несмотря на то, что разное видение роли военной силы в решении конфликтов иногда отдаляет партнеров друг от друга на очень опасную дистанцию, однако раскол в трансатлантических отношениях скорее не наступит.

В VI-X главах автор хронологически представляет вызовы, на которые пришлось отвечать союзникам с начала девяностых годов прошлого века, причем больше всего внимания он посвящает следующим вопросам: эволюции военных заданий, стратегии НАТО, а также влиянию, которое на эту стратегию оказало присутствие войск альянса на Балканах (глава VI), расширению НАТО, вступлению организации в сотрудничество с государствами Центральной и Восточной Европы (глава VIII), а также разработке *ESDI* – Европейской составляющей в области безопасности и обороны (глава IX). Особого внимания заслуживают здесь (глава VII) рассуждения, касающиеся развития ядерной стратегии НАТО с момента окончания холодной войны – темы, которую часто обходят в работах об эволюции НАТО в последнее десятилетие. Автор отмечает, что это очень деликатный вопрос, и союзники пока

---

² R. Kagan, *Of Paradise and Power: America and Europe in the New World Order*, Knopf 2003.

что избегают дискуссии на эту тему. Ибо начать ее означало бы необходимость дать ответ на несколько вопросов. Есть ли по-прежнему в стратегии НАТО место т. н. ядерному компоненту? Как следует понимать атомное оружие в современной стратегии отпугивания – как крайний способ или, наоборот, как основное пугало для террористов, по отношению к которым другие методы могут оказаться безуспешными? Решение этих проблем нуждается, как подчеркивает Слоун, в серьезной полемике прежде всего между теми союзниками, которые располагают ядерным потенциалом. Автор отмечает также, что дискуссию не сделают более легкой планы США, касающиеся построения системы противоракетной обороны, так как европейские члены НАТО опасаются негативных стратегических последствий американских действий.

В последней главе – «В направлении нового атлантического сообщества» – Слоун наметил очень подробную картину будущего трансатлантического сообщества. Он доказывает, что сегодняшние угрозы, которым должны противостоять союзники, слишком сложны, чтобы НАТО или другие традиционные формы сотрудничества между Европейским Союзом и Соединенными Штатами могли представлять собой базу для эффективной борьбы с ними. Дело в том, что в сотрудничестве ЕС–США не учитываются такие важные союзники, как Канада, Норвегия, Турция или государства, которые лишь стремятся стать членами ЕС или НАТО. Кроме того, как верно отмечает Слоун, сотрудничество ЕС–США концентрируется главным образом на технических деталях, недостает же дискуссии о целях сотрудничества и ценностях, на которые оно должно опираться.

Следует напомнить, что идея создания «нового атлантического сообщества» отнюдь не нова. Такую идею выдвигал, в частности, Г. Киссинджер, сам же автор вспоминает встречу министров обороны Германии, Франции и Соединенного Королевства, которые уже в 1995 г. предложили заключение нового «трансатлантического контракта». Слоун припоминает эти концепции, анализирует предпосылки, лежащие в основе их возникновения, намечает картину потенциального варианта взаимоотношений между Соединенными Штатами и Европейским Союзом, а также вникает в причины, в силу которых реализация новой формулы трансатлантических отношений может натолкнуться на серьезные препятствия. Среди условий, которые должны быть выполнены, чтобы «новое

трансатлантическое сообщество» могло осуществиться (прежде всего в виде форума политических консультаций), автор называет необходимость обеспечения сильного предводительства и высокого уровня институционализации сотрудничества. Его основу должен составить новый договор (который в значительной степени опирался бы на текст Североатлантического договора), а Слоун подсказывает даже конкретное содержание некоторых его абзацев.

В заключение следовало бы упомянуть технический аспект публикации. Автор представляет свои рассуждения очень систематизированным образом, очередные факты приводятся в хронологическом порядке. Большим достоинством книги являются дополнительные материалы, как, например, подробная хронология событий, сопутствующих возникновению и эволюции НАТО и Евросоюза на протяжении 1941-2001 гг., умело подобранная библиография, дающая представление о количестве публикаций в этой области, указатель (предметный и именной), а также список употребленных в ней акронимов. Итак, книгу Слоуна можно признать серьезным академическим учебником. Является ли она ценным источником информации для эксперта? Думается, да. Помимо фактографического слоя, который, что следует отметить, составляет большую часть публикации, внимания заслуживает ход мышления автора, а также анализ ответов, которые он дает на поставленные в каждой главе вопросы.

Беата Гурка-Винтер

Yoram Dinstein, *War, Agression and Self-Defence*, Cambridge University Press, Cambridge 2001, 300 p.

Современный юрист, который в аспекте международного права занимается проблемой войны, вынужден бросить вызов трагическому дуализму человеческой природы – несмотря на то, что война (в юридическом смысле – *ius ad bellum*, т. е. право объявления и ведения войны) почти запрещена, изучение окружающего мира приводит последовательного наблюдателя к выводу, что вооруженное решение конфликтов в международных отношениях по-прежнему существует. Это рождает общие размышления о сущности международного

права, его обязательности и соблюдении, но прежде всего ведет к вопросу о правовом характере института войны. Данной проблеме посвящена монография Иорама Динштейна, известного и ценимого профессора международного права. И. Динштейн, член Института международного права, бывший ректор Тель-Авивского университета, а также бывший консул государства Израиль в Нью-Йорке, член израильского представительства при ООН, ныне гумбольдтский стипендиат в Гейдельбергском институте Макса Планка, представляет лаконичное, но исчерпывающее изложение. Вышедшая в *Cambridge University Press* книга является третьим изданием монографии, пересмотренным автором и подвергнутым актуализации. Данное издание обогащено проблемами, касающимися конфликта в Косове (С. 271–273), к источникам добавлены современные резолюции, принятые Советом Безопасности (включая резолюцию 2000 г. № 1298), приговоры Международного суда, а также исследования Комиссии международного права. Автор дополнил свое изложение также проблемой «гуманитарной интервенции» (С. 66–68).

Восходящая к Цицерону и повторенная Гроцием дихотомия *inter bellum et pacem nihil est medium* разграничивала два противоположных статуса в отношениях между субъектами международного права, различающиеся между собой юридическими принципами и последствиями (С. 15). В соответствии с этим разделением составлялись также классические учебники международного права. Автор рецензируемой книги посвящает изложение исключительно *status belli*, исследовательские категории, принятые в заголовке (*war, aggression, self-defence*), находят развитие и полное отражение в содержании. Книга состоит из трех частей. В первой из них, имеющей название *The legal nature of war*, автор очерчивает проблемы, касающиеся правового статуса войны, представляя разные значения этого термина, а также производит анализ института, устанавливая в качестве исходного пункта два критерия: территорию войны и время ее продолжительности. В следующей части представлена проблема *status mixtus*, постулируемого в науке международного права XX в. преодоления цитируемой выше классической дихотомии и признания специфического состояния, в котором законы военного времени применяются иногда во время мира и наоборот. Смешанный статус характеризовался бы, таким образом, одновременным подчинением государств как законам войны (в определенных ситуациях), так и законам

мирного времени (С. 15–19). Затем автор представляет проблемы, касающиеся нейтралитета (С. 23–26), а также начала, хода и способов окончания войны (С. 29–53). Возвращаясь к проблеме терминологии, Динштейн указывает, что нет единой, общеобязательной дефиниции войны (С. 4). Отказываясь, однако, от сравнения нескольких конкурирующих между собой дефиниций, он предлагает в качестве основы для углубления проблемы принятие определения, выдвинутого Оппенгеймом (С. 4): «Война – это спор (*contention*) между двумя или более государствами, ведущийся с помощью их вооруженных сил с целью покорения противника и навязания ему условий мира». В этом месте следует заметить, что более широкую дефиницию, ибо она не ограничена исключительно государствами как субъектами войны, предлагал польский юрист Людвик Эрлих, который определял войну как «состояние борьбы прежде всего с помощью публичных вооруженных сил между двумя или более субъектами международного права или по крайней мере группами, имеющими характер субъектов военного права, при разрыве мирных отношений между сторонами»³.

Среди норм международного права, касающихся войны, выделяются две ветви: право на ведение войны – *ius ad bellum* – и *ius in bello*, регулирующие принципы и способ ведения военных действий. Нормы *ius in bello* определяются также названием «гуманитарное право». Право ведения войны (*ius ad bellum*) было отменено с моментом подписания Антивоенного договора от 27 августа 1928 г., т. е. Пакта Келлога-Брианда. Полный запрет на ведение войны в международном праве и на практике ввел Устав ООН, который стремление к сохранению мира и международной безопасности определил как первую цель ООН. Запрет на ведение войны как принцип, заключенный в Уставе ООН, имеет характер *ius cogens*, т. е. нормы, удовлетворяющей общие интересы международной общечеловечности и имеющей всеобщий и безоговорочно обязательный характер (С. 93–98). Данной проблематике посвящена вторая часть книги, озаглавленная *The illegality of war*. Эту часть открывает историческое представление института войны, начиная с Древнего Рима (С. 59) и заканчивая современностью (Пакт и Устав). Динштейн много внимания уделяет понятию «справедливой войны» (С. 59–68). Теория справедливой войны

---

³ L. Ehrlich, *Prawo narodów*, Nakładem K. S. Jakubowskiego, Lwów 1932, s. 517.

опиралась на принцип римского права, взятый из Кодекса Юстиниана и декрета Иннокентия III, который был переработан Раймундом Пеньяфортским: *vim vi repellere omnes leges et omnia iura permittant*, т. е. все правила и все законы позволяют оттолкнуть силу силой, но эта теория была снабжена дополнительными замечаниями. Отталкивать силу следовало осторожно, с предварительным выяснением вины, не для того, чтобы мстить, а для того, чтобы оттолкнуть зло. Св. Фома Аквинский в *Summa Theologica (Secunda Secundae – De bello)* считал войну обоснованной в том случае, когда она ведется легальным сувереном, со справедливой целью, а воюющей стороной движут благородные побуждения. Гроций рассматривал войну более в категориях самообороны, защиты собственных граждан и их имущества, а также наказания, определенного захватчику. В качестве современных концепций, восходящих к понятию «справедливой войны», Динштейн называет концепцию Кельсена (С. 63–64), концепцию национально-освободительной войны (С. 64–66), а также концепцию гуманитарной интервенции (С. 66–68). Читателя, интересующегося проблемой гуманитарной интервенции, следует, однако, отослать к новой книге, изданной также в *Cambridge University Press* под редакцией Гольцгрефа и Коэна⁴, поскольку Динштейн рассматривает эту проблему, наверное, слишком поверхностно. Однако надо заметить, что, во-первых, данная проблема не является предметом главного вывода автора, во-вторых, его позиция состоит в том, что, учитывая правовой запрет захватнической войны, лишь действия, предпринятые согласно ст. 42 Устава ООН, являются допустимым применением силы. Право на самооборону проистекает из традиционного права, однако лишь до того времени, пока Совет Безопасности не издаст необходимых распоряжений с целью сохранения международного мира и безопасности. Поэтому правовая квалификация вооруженных действий без авторизации Совета Безопасности не должна вызывать сомнений: в свете положений Устава ООН они не соответствуют международному праву.

О проблеме гуманитарной интервенции писалось также в «Польском дипломатическом обозрении»⁵.

⁴ J.L. Holzgrefe, R.O. Keohane (ed.), *Humanitarian Intervention. Ethical, Legal and Political Dilemmas*, Cambridge University Press, Cambridge 2003.

⁵ A. Makarewicz, *Interwencja humanitarna czy «odpowiedzialność za ochronę»*, „Polski Przegląd Dyplomatyczny” t. 3, nr 2 (12), marzec–kwiecień 2003, s. 71–91.

Затем автор представляет проблему захватнической войны как преступления против мира, много места отводя дефиниции агрессии (С. 114–120), а также проблеме ответственности личности за агрессивную войну (С. 120–134). Он использует при этом весь багаж международного судопроизводства, но в качестве сравнительного критерия принимает решения Римского устава (в то время еще не являвшегося обязательным), созывающего Международный уголовный суд. Автор также посвящает одну главу знакомству читателя с последствиями, которые вызвал правовой запрет *ius ad bellum* в современном международном праве (С. 135–155).

Переходя к следующей проблеме, содержащейся в заглавии, – самообороне, следует напомнить, что Устав ООН признает неотъемлемое право государства на индивидуальную или коллективную самооборону в случае вооруженного нападения, пока Совет Безопасности не примет необходимых распоряжений с целью сохранения международного мира и безопасности (ст. 51). Международный суд в деле Никарагуа отметил, что в этой сфере, кроме договорного права (т. е. Устава ООН, который ведь с формальной точки зрения является многосторонним договором), существуют и являются обязательными нормы традиционного права (С. 86–91). Они нашли свое отражение в деле корабля *Caroline* 1837 г., в котором утверждалось, что «действие, оправданное необходимостью самообороны, должно быть ограничено этой необходимостью и без какого бы то ни было сомнения удержано в ее границах» (С. 218–219). Таким образом, решающими для признания действий государства действиями, предпринятыми из соображений самообороны, являются принципы необходимости и пропорциональности, рассматриваемые, однако, в контексте конкретного случая.

Проблематика самообороны является лучше всего разработанной частью книги. Динштейн рассматривает ее, ссылаясь прежде всего на казусы, что положительно влияет на стиль изложения, производя впечатление живой академической лекции. Автор представляет проблемы концепции самообороны – права государств на самооборону (основанного по сути на вышеупомянутом принципе из Кодекса Юстиниана), исследует предпосылки вооруженного нападения, описывает полномочия Совета Безопасности (С. 157–189). Он подробно анализирует право на коллективную самооборону (С. 222–242),

много места посвящает системе коллективной безопасности ООН (С. 246–279).

Книга снабжена двумя указателями – предметным и указателем фамилий, а также подробными списками приговоров, международных договоров, резолюций Совета Безопасности, Генеральной ассамблеи ООН, на которые ссылается автор. Отсутствует же библиография, что представляется недостатком, ибо по примечаниям видно, что для написания книги было использовано множество источников.

Книга предназначена для лиц, нуждающихся в синтетической энциклопедии знаний из области международного права, касающихся различных аспектов войны. Ею могут воспользоваться студенты, работники дипломатического корпуса, военнослужащие.

Рафал Гарногурски

Martin Holland, *The European Union and the Third World*, Palgrave, Basingstoke, New York 2002, p. 258.

Книга проф. Мартина Холланда, заведующего Кафедрой европейской интеграции в Кентерберийском университете Жана Монне в Новой Зеландии, рассматривает роль ЕС в его взаимоотношениях с развивающимися государствами, в особенности с наименее развитыми. Принимая во внимание факт, что большая часть публикаций, посвященных Европейскому Союзу, появляется в странах-членах, мы здесь получаем возможность присмотреться к тому, как действия ЕС воспринимаются „извне”. Одновременно книга свидетельствует о растущем интересе к деятельности ЕС в сфере международных отношений. Она вышла в издательстве *Palgrave* в серии *The European Union Series*, продолжив ряд интересных работ этой серии, связанных с проблематикой Европейского Союза, его институтами, политикой, а также с членством конкретных государств в ЕС.

Несмотря на то, что названная в заглавии тема очень широка, автор сосредоточивается прежде всего на политике развития Европейского Союза в отношении семидесяти семи государств Африки, бассейна Тихого океана и Карибов (АКР), отношения ЕС с которыми на уровне договора находятся на

наиболее продвинутом этапе. В связи с этим проблематика отношений ЕС с государствами Азии и Латинской Америки затрагивается в самых общих чертах, причем только в свете сотрудничества с региональными объединениями государств, например, в *ASEM (Asia-Europe Meeting)* и *MERCOSUR* (Общий рынок Юга). Одновременно аспекты взаимоотношений с государствами *АКР*, связанные с Общей внешней политикой и политикой безопасности, такие, как общие позиции или саммит ЕС – Африка, полностью здесь отсутствуют. Благодаря этому автор может сконцентрироваться на технических проблемах, касающихся помощи, но без учета состояния политических отношений.

Книга дает общее представление о процессе формирования совместной политики развития и осуществляемых реформах, начиная с заложения в Римский договор 1957 г., учреждающий Европейское экономическое сообщество, постановлений об объединении заокеанских государств и территорий в ЕЭС. В таком решении была заинтересована в первую очередь Франция, которая хотела ограничить расходы, связанные с поддержкой собственных колоний и доминионов. Оно давало возможность более легкого доступа этих стран к рынку государств ЕЭС, а также обязывало государства-члены участвовать в инвестициях в пользу их развития (посредством создания Европейского фонда развития). С деколонизацией ситуация меняется самым радикальным образом. Новые рамки сотрудничества, вместо односторонних постановлений государств ЕЭС, необходимо было согласовывать с новообразованными государствами, вследствие чего в 1963 г. была подписана Конвенция Яунде, спустя пять лет продленная до 1975 г. Это было одно из первых мероприятий внешней политики ЕЭС, хотя и вызванное реальной ситуацией.

В начале 70-ых годов в результате уменьшения роли торговых привилегий в связи с обязательствами, принятыми в рамках Генерального соглашения по тарифам и торговле (ГАТТ), а также присоединением Великобритании к ЕЭС и необходимостью урегулирования торговых отношений с государствами Британского содружества наций, возникла необходимость в пересмотре соглашений. Так, в 1975 г. была подписана Конвенция Ломе, которая ввела новые инструменты технической и финансовой помощи, увеличила торговые привилегии, а также укрепила институциональные основы сотрудничества. Конвенция ратифицировалась каждые пять лет с небольшими

изменениями вплоть до 1990 г., когда была подписана IV Конвенция Ломе сроком на десять лет.

Автор обращает внимание читателя на роль Европейского сообщества в формировании группы АКР. Государства, сильно отличающиеся друг от друга по уровню развития, географическому, культурному или политическому положению, вынуждены были сотрудничать между собой ради общего интереса – достижения самых выгодных условий взаимоотношений с ЕЭС. По европейской инициативе возникли Совет министров, Комитет послов и даже общая консультационная ассамблея, которую составляли члены Европейского парламента, а также парламентав государств АКР (или избранных представителей, одобренных общей ассамблеей, если парламента не существовало), которые способствовали сплочению этой группы. Благодаря этому ЕЭС могло упростить процесс переговоров с этими государствами, и одновременно группа АКР, вступая в непосредственные переговоры с ЕЭС, укрепляла свое значение в международной политике. Государства АКР образовали столь сильную группу, что попытка дифференцирования этих государств, предпринятая Евросоюзом в 2000 г., встретилаcь с сильным протестом, наметив, однако, линию водораздела, дискриминирующую одновременно во взаимоотношениях с Сообществом другие слаборазвитые государства.

Вместе с углублением интеграционных процессов, в основном благодаря возникновению Европейского Союза и выработке элементов политического сотрудничества, изменились также принципы сотрудничества с развивающимися государствами. Прежде всего выделяемая Евросоюзом помощь стала обуславливаться политическими (продвижение демократии, верховенство закона, соблюдение прав человека и качество правления) и экономическими реформами (либерализация, структурные реформы, уплата задолженностей). Такая обусловленность, которая несколько десятков лет назад осуждалась бы как проявление неокOLONиализма, сейчас представлялась необходимой для повышения эффективности помощи. Несмотря на то, что в этом вопросе существовало полное согласие как между государствами ЕС, так и АКР, между ними обнаружилиcь разногласия в плане определения критериев оценки проводимых реформ. Из-за трудностей с выработкой объективных критериев уровня политических и экономических реформ среди государств – адресатов помощи – появились опасения, что и помощь будет выделяться не

столько на основании объективных решений, сколько по усмотрению руководства ЕС. Автор отмечает, однако, что до настоящего времени в таких случаях, как, например, выборы в Зимбабве в июне 2000 г., а также государственный переворот на Фиджи в мае 2000 г., решение о сокращении помощи из-за грубого нарушения принципов демократии не было принято. Кроме того, так как односторонние торговые привилегии, предлагаемые государствам АКР, расходились с урегулированиями ВТО, были предложены новые договоры об экономическом партнерстве между отдельными странами и Европейским сообществом, а также сферами свободной торговли между группами государств АКР. Все эти изменения были внесены в Соглашение о партнерстве между странами АКР и Европейским сообществом, подписанное в Котону 23 июня 2000 г. сроком на двадцать лет. Одновременно для 48 наименее развитых государств (39 из них входило в группу АКР) в программе *Everything but Arms (EBA)* был предусмотрен беспшлинный доступ к рынку всех товаров, кроме оружия и боеприпасов. Этот двойственный подход, по мнению автора, негативным образом скажется на целостности политики развития, так как широкие привилегии, предлагаемые EBA, не будут способствовать заинтересованности государств в процессе открытия к мировой экономике.

Чтобы повысить эффективность выделяемой помощи, в Евросоюзе была проведена реформа институциональных структур. Автор подробно описывает изменения в Европейской комиссии, в том числе реформу структуры Генерального директората по делам развития, образование бюро координации помощи (*Europe Aid*), а также гуманитарной помощи (ECHO). Не упоминается здесь, однако, Совет ЕС по делам развития, состоящий из представителей правительств государств-членов. Описание этого института способствовало бы освещению взаимозависимости между помощью, которую предлагает Евросоюз и страны-члены, особенно в аспекте необходимости их комплементарности. С другой стороны, самые последние реформы, состоящие во включении работы, касающейся помощи по развитию, в сферу деятельности Совета по внешним связям, свидетельствуют о попытке его большей координации с директивами в рамках Общей внешней политики и политики безопасности (ОВПБ).

В последней главе, что довольно нетипично, автор излагает кратко главные теории европейской интеграции и называет

те аспекты политики помощи по развитию, которые можно с их помощью осветить. Теория, подчеркивающая роль государств-членов ЕС в деле интеграции, лучшим образом, по мнению автора, освещает характер переговоров по заключению отдельных соглашений с государствами АКР. Неофункционализм помогает найти взаимозависимость между политикой помощи по развитию и общей торговой политикой, а также ОВПБ. Новый институционализм подчеркивает роль органов ЕС в создании политики по развитию, теории же актеров, действующих на многих уровнях (региональном, национальном, международном) ради создания общих урегулированных, а также сети актеров с похожими приоритетами помогают определить, в частности, процесс реформ Европейской комиссии. Однако подобная трактовка теории интеграции производит впечатление, будто бы теоретические вопросы не повлияли на прочие части книги, во-вторых, представление теории является, разумеется, фрагментарным и даже искажающим картину, так как один аспект можно оценивать с точки зрения разных теорий.

Даже минуя факт, что автор рассматривает гораздо более узкую проблему, чем гласит заглавие, книга и в этом плане рождает чувство неудовлетворенности. Недостает здесь оценки влияния расширенного ЕС на политику помощи по развитию. Присоединение в 2004 г. десяти новых, менее развитых государств рождает опасения государств группы АКР, связанные с выделением меньших средств на политику развития в силу необходимости поддержки новых государств-членов. Кроме того, эти государства, будучи до недавнего времени лишь адресатами помощи, сегодня, в рамках ЕС, создают структуры, занимающиеся политикой развития. И наконец, они будут заинтересованы расширением масштабов помощи в первую очередь для Восточной Европы и стран бывшего СССР.

Автор сосредоточивается главным образом на истории отношений, последних реформах и институциональных изменениях, процессе создания политики помощи по развитию. Однако он не отвечает на поставленный им же вопрос, отличается ли общая политика развития Евросоюза от той, которую проводят государства-члены ЕС. Постановления, содержащиеся в Римском договоре, еще не представляли собой политики развития. И только влияние отдельных государств-членов, органов сообществ, принимающих участие в создании

этой политики, давление неправительственных организаций и государств АКР, а также международная обстановка способствовали ее развитию параллельно политике развития государств-членов. Конвенция Котону, подписанная в 2000 г. на двадцать лет, ограничивает шансы ее ренационализации, но возможности развития сильно обусловлены развитием Общей внешней политики и политики безопасности. Если удастся создать общую внешнюю политику государств-членов ЕС, политика помощи по развитию будет эффективным инструментом в отношениях Север – Юг.

Мацей Кишиштофович

Микола Рябчук. *Дві України: реальні межі, віртуальні війни*. – Київ: Критика, 2003. – 335 с.

Недавно из печати вышла новая книга известного украинского политического публициста Мыколы Рябчука под названием «Две Украины: реальные границы, виртуальные войны», в которой изложена его концепция «двух Украин». Автор поставил перед собой задачу оценить современные политические процессы, происходящие на Украине, выявить причины проблем, с которыми сталкивается сегодня государство, и предложить пути их решения. С этой целью М. Рябчук анализирует явление амбивалентности постсоветского общества, имеющее, по его мнению, огромное значение для процесса консолидации нации, который на Украине сегодня еще далек от своего завершения.

Многие аналитики, занимающиеся украинской проблематикой, признают, что кардинальные различия, существующие между восточной и западной Украиной, способны в результате привести к распаду государства. Мыкола Рябчук в своей книге доказывает, что такой угрозы не существует. Не существует линии раздела, по которой якобы должен произойти разлом, поскольку «две Украины» существуют не в географическом, а в гораздо более глубинном – в авторской терминологии – культурно-антропологическом аспекте. М. Рябчук противопоставляет не регионы, а две идеологии и вместе с тем две концепции развития государства – советскую (малороссийскую, азиатскую) и антисоветскую (украинскую, европейскую). Два

полюса этого разделенного украинского мира – это Донецк и Львов – города и регионы с четко обозначившимися политическими предпочтениями, национальной и языковой идентичностью. Все остальные расположенные между ними регионы разнятся между собой, и каждому из них присуща собственная комбинация «украинского» и «русского», «европейского» и «советского» начал (С. 22). Невозможно определить, какой из них представляет украинскую позицию, а какой советскую, ибо эти позиции сосуществуют не только на уровне государства или региона. Как утверждает автор книги, эти «две Украины» можно обнаружить в каждом индивидууме, раздвоенном как в отношении своей политической ориентации, так и идентичности. Поэтому каждый гражданин украинского государства в определенной степени является сторонником существования демократической Украины со свободным рынком – и одновременно в каждом присутствует элемент «советскости», наследие десятилетий тоталитаризма и коммунизма. Эту одновременную ориентацию на взаимоисключающие ценности М. Рябчук определяет термином «общественной шизофрении», что приводит в итоге к амбивалентной политической позиции большинства украинцев. Эта амбивалентность создает преграды на пути к консолидации нации, но, как это ни парадоксально, одновременно препятствует распаду государства.

«Общественная шизофрения» накладывается на политическую географию государства: помимо четко определившихся в своей позиции западных и юго-восточных регионов существует также, как ее называет автор, «третья Украина» – гетерогенное пространство между двумя полюсами – неопределенная, размытая, в большинстве своем амбивалентная, выступающая в роли объекта, а не субъекта политической борьбы. Она представляет собой и поле боя, и главную награду в этой борьбе между двумя историческими реальностями: Украиной украинской и советской (глава «Двойственность или двусмысленность? Украина как политическая (де)конструкция»). Эта большая часть украинского общества (около 50%) в социологических опросах обычно не имеет собственного мнения, а в выборах может с равным успехом голосовать за посткоммунистических кандидатов (в голосовании по одномандатным округам) и народно-демократические партии (голосуя по партийным спискам) и обычно таким образом решает исход выборов. Такая амбивалентность избирателей,

по мнению М. Рябчука, является типичным явлением для переходного периода, периода столкновения двух политических культур, двух моделей поведения – общественных, политических и экономических (С. 34).

Социальная амбивалентность, как показывает автор, стала на Украине предметом пропагандистской манипуляции со стороны власти, направленной на дальнейшую атомизацию общества, углубление недоверия между отдельными социальными группами и уничтожение какой бы то ни было солидарности в обществе. Описанное состояние сознательно создается и поддерживается посткоммунистической властью, стремящейся к тому, чтобы трансформация проходила в нужном ей направлении. Власть использует существующее в общественном сознании разделение на два национализма – украинский и советский, действуя при этом под лозунгом желания предотвратить распад государства. Таким образом, она претендует на роль единственного проукраинского фактора и гаранта стабильности государства, демонизируя угрозу, исходящую как со стороны «опасных» украинских националистов с западной Украины, так и со стороны радикальной Коммунистической партии Украины. Региональные разделы, как утверждает автор, дает элитам возможность выступать в роли посредников-самозванцев. Олигархические «центристы» представляют собственную «прагматическую» политику как единственную альтернативу опасности обострения конфликта между различными социальными группами или регионами (С. 39).

М. Рябчук разделяет мнение многих аналитиков, что на Украине до сих пор существует негражданское общество, в котором преобладает «совок» (*homo soveticus*), что способствует сохранению авторитарной системы власти. Авторитаризм упрочивается по причине слабости общества и его раздробленности, а не из-за его консолидации и мобилизации вокруг конкретной идеи. Поэтому власть сознательно атомизирует общество, стремясь воспрепятствовать формированию современной нации и гражданского общества на Украине (С. 33-37).

В главе под названием «Третьеразрядный вопрос первостепенного значения» автор рассматривает политическую роль украинского языка в ходе создания современного украинского общества, основываясь на анализе правовых инструментов, проводимой до сего времени политики украинизации, данных, касающихся употребления украинского языка в школах, а

также двуязычного рынка прессы и электронных СМИ. После обретения независимости меняется определение украинской идентичности. Если раньше основой для ее определения был язык и культура, то теперь в качестве ее политического показателя выступает гражданство, являющееся более широким понятием, с которым может идентифицировать себя как украинская, так и русская часть общества. В то время, как лишь немногие из живущих на Украине русских готовы сменить собственную языковую и культурную идентичность (тем более на такую, которая традиционно ассоциируется с более низким социальным статусом), подавляющее их большинство (даже на востоке Украины) отождествляет себя с украинским государством и, как показывают опросы, видит «украинское» будущее для своих детей – в широком гражданском значении этого слова (С. 76).

Далекую от демократической систему власти на Украине М. Рябчук определяет при помощи термина «моментократия» (глава третья – «Определение политического пространства: символы „моментократии“»). Для нее характерно то, что властные элиты не располагают стратегической концепцией развития государства и реализуют лишь собственные сиюминутные, партикулярные интересы. По мнению автора, во внутренней политике это выражается в сочетании черт коммунизма с диким, недоразвитым капитализмом, а во внешней политике – в неуклюжем маневрировании между Россией и Западом, официально называемом «многовекторностью» (С. 40). Тактика «моментократии» не предусматривает ни десоветизации страны, ни обратного процесса – ее ресоветизации. Ее реализация предусматривает выделение разного рода концессий союзникам, шантаж оппозиции и манипулирование нерешительным и дезориентированным в основной своей массе обществом.

Большие фрагменты книги посвящены описанию господствующей на Украине политической системы. По мнению автора, главной проблемой власти в данной стране (как и большинства авторитарных режимов, пытающихся имитировать демократические институты и процедуры в надежде войти в престижный клуб западных демократий) является организация демократических выборов. Власти стараются проводить их таким образом, чтобы, с одной стороны, избежать международных санкций, а с другой – не потерять власть в ходе выборов. Поэтому используются административные инструменты

(чаще всего налоговая инспекция) для оказания давления на региональные и местные власти с целью обеспечения нужного результата на выборах. Из представленного в книге анализа украинской политической системы вырисовывается печальная картина. Однако, несмотря на это, автор убежден, что у Украины все еще остаются определенные, пусть и незначительные, шансы на тройную трансформацию – демократизацию авторитарного государства, рыночные реформы и создание гражданского общества. Успех этих преобразований зависит, как считает автор, в равной мере от давления на власти со стороны общества, а также от характера изменений, происходящих внутри самих политических элит, как и во многом от политики международных организаций и правительств западных государств (С. 60).

Глава под названием «Риторика и политика: парадоксы украинской «многовекторности» посвящена проблемам, связанным с внешней политикой государства. Политика «многовекторности», как пишет М. Рябчук, в течение всего десятилетия состояла в шантажировании Запада «интеграцией с Россией», а России – «сближением с НАТО». Примером такого подхода является, как считает автор, решение Совета национальной безопасности и обороны Украины (РНБиОУ), принятое в мае 2002 г., об интеграции Украины в НАТО, которое он подвергает детальному анализу. Автор пытается найти ответ на вопрос о его целесообразности, о том, почему оно было принято накануне создания Совета НАТО-Россия, о шансах на его воплощение в жизнь. В этой связи, по мнению М. Рябчука, на тревожные размышления наталкивает неожиданно спокойная реакция российских властей на смелый шаг Киева, а также отсутствие возражений со стороны соседней Беларуси и коммунистической оппозиции на Украине, настроенной антинаатовски. Автор склоняется к мнению, что решение РНБиОУ и выступление Кучмы в парламенте, озаглавленное «Европейский выбор» – это очередная конъюнктурная политическая декларация, которая не имеет и, вероятнее всего, не будет иметь в будущем никаких политических последствий. Это лишь своего рода мероприятие, предпринятое властью для того, чтобы «поднять свои необычайно слабые акции как в глазах Запада, так и Российской Федерации» (С. 166).

Период «многовекторности» в украинской внешней политике, как считает автор «Двух Украин», несомненно, еще далек

от завершения, так же, как далека от завершения острая внутривнутриполитическая борьба на самой Украине. Сближение России с НАТО после римской декларации о создании постоянного Совета НАТО-Россия продемонстрировало в то же время, что такая политика утратила перспективу, стала неэффективной и нецелесообразной, ибо Украина оказалась на периферии большой политики, в ситуации, когда решения по проблеме безопасности в регионе будут отныне приниматься в рамках диалога НАТО-Москва. Этот фактор, по прогнозу М. Рябчука, несомненно, повлияет на общественное мнение по поводу необходимости принципиальных изменений в украинской внешней политике, тем более, что сближение России с НАТО ослабило позиции наиболее зыбких противников евроинтеграции на Украине.

В книге Микола Рябчука, тщательно продуманной и одновременно увлекательной, поднимается проблема борьбы авторитарного государства с формирующимся гражданским обществом в стремлении не допустить его создания, а также рассматриваются попытки общества преодолеть собственную амбивалентность. Помимо рассмотренных выше проблем, автор в своей книге отводит место и другим вопросам, в частности, значению Львова и Галиции как культурного центра и их роли в отношениях Украины с Западом, в первую очередь с Польшей (глава «Галиция между Востоком и Западом: перспективы еврорегиона»). Знакомство с «Двумя Украинами», без сомнения, отрезвит многих сторонников быстрой интеграции Украины с НАТО и Европейским Союзом, но одновременно развеет опасения, связанные с возможностью ее реинтеграции с постсоветскими государствами. Несомненное достоинство данного издания заключается в том, что его автор является вдумчивым наблюдателем украинской политической реальности, смотрящим на описываемые проблемы «изнутри». В подтверждение своих выводов М. Рябчук неоднократно приводит довольно интересные результаты проведенных исследований общественного мнения, анализирует особенности голосования на Украине, а также часто цитирует известных аналитиков, как украинских, так и западных, занимающихся данной проблематикой. Кроме того, книга снабжена библиографией и именованным указателем.

Как выглядит украинская модель демократии? Существуют ли в данной стране независимые СМИ и свобода слова? Насколько реально интеграция Украины с евроатлантическими

структурами? Возможно ли, чтобы президент Кучма согласовал с российскими властями свою декларацию о присоединении Украины к НАТО? Ответы на эти и многие другие вопросы читатели найдут в рассматриваемой книге Мыколы Рябчука.

Агнешка Гурын

Bobo Lo, Vladimir Putin and the Evolution of Russian Foreign Policy, The Royal Institute of International Affairs, Blackwell Publishing, London 2003

Новая книга Бобо Ло – это тонкий и даже изощренный анализ эволюции, которую пережила российская внешняя политика во время президентства Владимира Путина.

Автор, в прошлом австралийский дипломат, побывавший несколько лет в Москве, ныне сотрудник Королевского института международных отношений в Лондоне, анализирует в ней причины, которые составили успехи Путина на международной арене, а также реконструирует основные мотивы и предпосылки его внешней политики. Главным мотивом рассуждений автора является вопрос о том, в какой степени эта политика отошла от традиционных советских и российских геополитических и великодержавных идей и развивалась в направлении модели внешней политики, типичной для «нормального» большого европейского государства, как, например, Германия, Франция или Великобритания.

Путин получил от Ельцина очень трудное наследие: международная позиция России достигла своего самого низкого за постсоветскую историю пункта. Отношения с главными западными партнерами (Соединенные Штаты, Европейский Союз) были холодные и перенасыщенные подозрительностью; непредсказуемость, склонность к конфронтации и отсутствие достоверности доминировали как элементы в ее международном облике.

Основной причиной российских неудач в отношениях с миром было, по мнению Ло, неумение русского правительства справиться с первостепенной проблемой – глубоким расхождением между великодержавными устремлениями, глубоко укоренившимися в ментальности русского политического исте-

блишмента, и сокращающимися реальными возможностями переживающей глубокий экономический кризис России. Это неумение в большой мере вытекало из архаического, не отвечающего современным условиям мышления о международной политике в категориях геополитики XIX в. Основной проблемой были также глубокие конфликты внутри русских элит, касающиеся нового, постсоветского цивилизационного идентитета. Это в итоге не позволяло Кремлю сделать ясный выбор географической и цивилизационной ориентации во внешней политике, а также вело к ее инструментальной трактовке во внутренних политических конфликтах. Последней, отнюдь не менее важной причиной было то, что эффективность российского государства на международной арене была уменьшена отсутствием координации между институциональными актерами (министерства и правительственные агентства, государственные фирмы и частные корпорации).

Автор приписывает успех Путина комбинации удивительно ловкого и радикального обновления облика русской международной политики, соединенного с существенными изменениями самой политики. Эта модификация облика была результатом резкого изменения риторики и стиля ведения политики, которые должны были создавать впечатление здравого смысла, доступных предвидению поступков, а также собственного достоинства. Как пишет автор, «быть может главное отличие между ельцинской и путинской внешней политикой заключается в упаковке и презентации» (С. 28).

Путин отказался от столь характерного Ельцину постоянного, громкого подчеркивания российской великодержавности, заявлений о требованиях и претензиях, метания угроз. В его стиле нет места склонности к конфронтации и спеси. Их заменили мягкие уговоры, подчеркивание общности интересов России с ее партнерами или международным сообществом, а также ссылки на российские государственные интересы. Путин аккуратно избегал открытых конфликтов или, по крайней мере, старался их сводить к минимуму в тех случаях, когда был заранее обречен на неудачу, как это, например, было в случае создания американцами проекта противоракетной системы или второй волны расширения НАТО. Он перестал также ссылаться на концепцию многополярности, понимаемую как призыв к образованию коалиции, целью которой было бы создание противовеса для Соединенных Штатов. Важной частью его стиля является также постоянная игра на уменьшение

ожиданий, благодаря которой его политика выглядит беспре-
рывной полосой успехов.

Одним из существенных условий успеха Путина было охлаждение эмоций вокруг вопроса о новой российской тождественности. Он добился этого путем предложения нового, эклектичного представления о месте и роли России в мире, сочетающего элементы разных идеологических мотивов таким образом, который позволяет отождествляться с ними как сторонникам интеграции с Западом, так и приверженцам евразийства или российского национализма. Это в свою очередь положило конец инструментальному использованию проблем внешней политики для внутренних политических целей. Автор при этом обращает внимание на прагматичное манипулирование Путиным вопросом национальной тождественности, который в зависимости от контекста и аудитории представляет Россию как страну европейскую, азиатскую, евразийскую, державу глобальную или региональную, цивилизацию христианскую или исламскую (см. последние стремления России получить членство в Организации исламских государств).

Вторым достижением Путина было дисциплинирование как государственных, так и негосударственных институциональных актеров, а также ликвидация многомерной внешней политики, характерной для ельцинской эпохи. Ло замечает однако, что способ, каким Путин координирует действия связанных с внешней политикой институтов, продолжает быть анахроническим и малоэффективным. Ибо координирующим звеном является исключительно сам президент, который действует через своих доверенных, введенных в отдельные институты. Недостает однако институциональных механизмов координирования, что делает невозможной последовательную реализацию принятого политического направления и саму внешнюю политику ставит в зависимость от здоровья и желания одного человека вникать в подробности.

Следует подчеркнуть, что Ло справедливо (что подтверждает афера Юкоса) замечает тесные связи большого российского бизнеса с политической властью («термин *частный сектор* является понятием ошибочным по отношению к группе, для которой сила и получаемые доходы достигаются прежде всего благодаря политическим связям»; С. 39). Это и предопределяет не только самое большое среди негосударственных актеров влияние российского бизнеса на внешнюю политику, но и

возможность государства воспользоваться им как ее дополнительным орудием.

Эволюция российской внешней политики при Путине не ограничивалась изменением стиля, риторики и улучшением координации между реализующими ее институтами. Существенным образом изменилась и сама политика, ее приоритеты и расстановка акцентов. Одним из самых ярких изменений была ее «экономизация». Реализация экономических целей (доступ к западным рынкам, поддержка экспорта, развитие экономического сотрудничества) и получение конкретных финансовых выгод стали важными приоритетами российской дипломатии, в том числе особенно личной дипломатии президента. Внешняя политика Кремля начала руководствоваться коммерческим критерием – параллельно или даже взамен доминирующего раньше геополитического критерия.

В отличие от государств Запада, для которых внешняя политика служит прежде всего (за исключением, конечно, периодов войны и больших международных кризисов) росту благополучия собственного общества, одной из самых анахронических черт российской внешней политики ельцинской эпохи было почти полное пренебрежение экономическим аспектом. Поэтому могло бы показаться, что путинская «экономизация» является существенным шагом на пути к ее «нормализации» (с точки зрения западных стандартов). Однако Ло утверждает, что дело было более сложным и что «способ ведения Путиным внешней политики является типично русским» (С. 53). Путин, правда, с самого начала подчеркивал первенство внутренних целей перед внешними, что означало, что внешняя политика должна служить внутреннему развитию страны. Однако, в отличие от Горбачева и «раннего» Ельцина, которые пользовались внешней политикой в качестве фактора, способствующего внутренней экономической и политической трансформации, для Путина внешняя политика должна была служить прежде всего укреплению могущества российского государства и его возможностей действовать. Кроме того, Путин демонстрирует противоречивый подход к интеграции России в мировую экономику. С одной стороны, он хотел бы пользоваться благами интеграции – увеличенным потоком инвестиций и технологий, а также интенсификацией торгового обмена, а с другой, он еще не готов принять последствия интеграции – ограничение свободы действия и частичную потерю национального суверенитета. В этом плане политика

Путина отражает нежелание российских элит одобрить уже существующие и всеми принятые правила вступления в международные организации. Ибо эти элиты привыкли существовать в рамках структур, в которых Россия могла односторонне диктовать собственные правила как в торговле, так и в политике и стратегии. Следовательно, политика Путина берет свое начало в убеждении, что «если Россия должна быть *интегрированной*, так только на собственных условиях», что, как правильно отмечает автор, противоречит самой идее интеграции (С. 60).

Ло убедительно показывает, что «экономизация» российской внешней политики не должна восприниматься как симптом отказа от великодержавных претензий и ограничения российских устремлений на международной арене до уровня «нормального» национального государства, такого, как Великобритания, Франция или Япония. Такая интерпретация путает средства с целями. Выбор экономических инструментов не должен ведь обозначать «экономизирующего» представления о мире. Напротив, в случае Путина мы имеем дело со своеобразной «геополитизацией» экономической политики, т.е., как пишет Ло, политикой «конверсии экономических козырей в политико-стратегический капитал» (С. 67). Проще говоря, Кремль пытается использовать экономические средства для реализации традиционных политических и стратегических целей. Это особенно видно по отношению к государствам СНГ, которые Россия пытается удержать в своей политической и военной сфере, используя их зависимость от российских энергоносителей. Россия рассчитывает также на то, что растущую зависимость Европы от российских поставок газа можно будет использовать для увеличения российского влияния на европейскую политику и для открытия перед Россией возможности участвовать в европейском сотрудничестве на специальных правах (т.е. без необходимости полностью приспособиться к европейским стандартам).

Несмотря на рост значения экономического компонента, проблема геополитики и безопасности все еще занимает первое место среди приоритетов внешней политики Кремля. Ло замечает, однако, существенную эволюцию в подходе Кремля к геополитическим вопросам. Изменилось также восприятие угроз, концепция безопасности, а также способ определения собственных национальных интересов. Изменился и подход

Кремля к вопросу мирового терроризма, стратегической стабильности и решения локальных конфликтов.

Путин прежде всего порвал с характерным для ельцинского периода и глубоко укоренившимся в российской традиции подходом к межгосударственным отношениям в категориях игры с нулевой суммой. Задолго до 11 сентября 2001 г. Кремль принял тактику избегания малейшего намека на политико-стратегическое соперничество с Западом и переформулировал программу внешней политики в категорию «игры с положительной суммой». Совместное определение угроз и поиск общих решений, поиск общности интересов, а не подчеркивание расхождений стали доминирующими мотивами в направленном Западу дипломатическом предложении Путина. Одновременно Кремль отказался от политики образования глобальных или локальных коалиций, целью которых было бы создание противовеса американской гегемонии. Это равнялось разрыву с концепцией «антагонистического полицентризма», сформулированной Евгением Примаковым. Ее заменила картина «концерта государств», то есть неантагонистического равновесия, в котором элементы сотрудничества перевешивают элементы соперничества.

Ло предупреждает, однако, что, если мышление Кремля в категориях игры с нулевой суммой сегодня менее заметное, это отнюдь не означает, что оно полностью исчезло. По крайней мере в некоторых сферах международная политика воспринимается Кремлем через призму соперничества, где все еще имеет силу логика игры с нулевой суммой (например, по поводу расширения НАТО на Восток). Что касается равновесия сил и сфер влияния, то, по мнению Ло, мы имеем дело с модернизацией и приспособлением этих категорий к современным условиям и возможностям России, а не с полным их забросом. В итоге скорее можно говорить о медленных изменениях, нежели о революции в российской стратегической культуре, причем «неясным является, обозначают ли они качественный скачок в российском мышлении о безопасности и геополитике, или всего лишь улучшенную, более изоциренную версию той же модели» (С. 74). Бесспорно одно – российская элита далека еще от того, чтобы перестать думать о национальной безопасности в категориях равновесия сил в пользу западной концепции безопасности, основанной на общности ценностей.

Эволюции подверглись также российское восприятие и дефиниция угроз. В итоге образовалась эклектичная картина,

сочетающая традиционные военные и геополитические угрозы с новыми нетрадиционными: терроризмом, пролиферацией и региональной дестабилизацией.

Нет сомнений, что на первом месте в этой иерархии находится терроризм. Неясно, однако, в какой степени это касается международного терроризма, а не внутрисоссийского. Несмотря на то, что администрация Путина пользуется борьбой с международным терроризмом как главным мостом, ведущим к развитию сотрудничества с Западом, Ло склонен полагать, что интерес Кремля пропадет, когда России удастся завершить чеченский конфликт.

Что касается места НАТО на российской карте угроз, то Североатлантический союз не воспринимается как непосредственная угроза, однако его существование Кремль по-прежнему понимает как элемент невыгодного для России геополитического расклада сил. Поэтому сотрудничество и сближение с НАТО не означают ни смирения Кремля с доминирующей ролью союза в европейской безопасности, ни одобрения сотрудничества НАТО со странами Восточной Европы и СНГ. Ло предполагает, что конечную цель России составляет образование такой ситуации, в которой оборонные структуры Европейского Союза явились бы противовесом НАТО в рамках интегрированной Европейской архитектуры безопасности.

Кремль модифицировал также свой подход к антикризисным операциям. При Ельцине участие России в таких операциях имело инструментальный характер – его целью было не решение конфликта, а демонстрация роли России на международной сцене как влиятельного актера, выступление против американской гегемонии, а на постсоветской территории – сохранение российского влияния и присутствие войск. Правда, и теперь подход Кремля к антикризисным операциям инструментален, однако, по мнению Ло, это «положительный инструментализм», превращающий участие России в решении локальных конфликтов в один из главных инструментов сближения России с международным обществом и Западом в особенности. Не изменилась зато российская политика по отношению к конфликтам на постсоветской территории.

Эволюция российского подхода к геополитике и политике безопасности способствовала достижению, пожалуй, самой важной цели внешней политики Путина – улучшению отношений с Западом, которые к концу президентства Ельцина достигли самого низкого уровня за всю постсоветскую исто-

рию России. Этот поворот российской политики в сторону Запада, который, по мнению Ло, совершился почти сразу после вступления Путина в должность президента, был результатом прагматического урока, который российская политическая элита усвоила после кризиса в Косово. Она убедилась, что политика, основанная на конфронтации с Западом, ведет всего лишь к маргинализации роли России и может заблокировать как ее внутреннюю модернизацию, так и восстановление значимой позиции на международной арене. По мнению автора, этот поворот брал свое начало в основном в «западно-центристском» направлении российской политической элиты, которая, не отказываясь от российской специфики, считала Россию частью западной европейской цивилизации. Однако этот «западный центризм» российской элиты является неоднозначной и сложной позицией. Неслучайно Ло употребляет сложный для перевода термин *Westerncentric*, а не, например, «прозападный». Эта элита считает Запад своей главной точкой соотнесения, однако она не готова принять западные ценности и образцы в политической и общественной сфере. Как раз наоборот, предпринятая в начале 90-х гг. западническая попытка принесла волну разочарования в западных либеральных ценностях. «Западный центризм» российской элиты вытекает прежде всего из ее преклонения перед могуществом и богатством Запада, а также высоким уровнем технологии.

Следовательно, можно говорить о своего рода парадоксе «западного центризма», который, с одной стороны, склоняет Путина к развитию сотрудничества и сближению, вплоть до интеграции с Западом, а с другой – создает трудные для преодоления барьеры. Ибо, как замечает автор, «невыгодной правдой» является то, что необходимым условием настоящей интеграции России с Европой, интеграции в западные структуры и институты является ее «вестернизация» – принятие и одобрение западных ценностей в политической, общественной, экономической и духовной сфере. Соглашаясь с констатацией автора относительно пропасти, существующей в этой сфере между Россией и Западом, можно также обратить внимание на то, что внутренняя политика Путина способствует дальнейшему углублению этой пропасти и тем самым входит в противоречие с внешней.

Между тем Ло обращает внимание на другое внутреннее противоречие «западноцентристской» политики Путина, то есть на диссонанс между цивилизаторским евроцентризмом и

тем, что он называет «стратегическим американоцентризмом». Даже если Путин часто подчеркивает европеизм России, то во внешней политике (кроме экономических вопросов) Соединенные Штаты всё еще остаются для него главной «точкой соотнесения». В этом направлении его подталкивает «американоцентризм» советской стратегической культуры, под влиянием которой формировались его взгляды, а также прагматизм, который велит учитывать американскую гегемонию в современном мире. К этому следует добавить убеждение, что американцы в большей степени, чем европейцы, руководствуются в своей политике принципами *Realpolitik*, что нашло отражение в более снисходительном отношении последних к нарушениям правил ОБСЕ и Совета Европы во время российской кампании в Чечне. Кроме того, по мнению Ло, свойственный политике Путина глобализм – его устремления, чтобы Россия была не только региональной, но и глобальной державой – не позволяет говорить о приоритете европейской ориентации.

Препятствием на пути к полной интеграции России с Западом, по мнению автора, является также специфическое понимание интеграции Путиным и российским истеблишментом. Путин считает, что, во-первых, сближение и интеграция должны осуществиться на основе общих интересов, а не общих ценностей (что особенно любят подчеркивать европейцы). Прагматизм российской элиты делает для нее непонятным интерес Запада к проблемам, которые Москва считает своими внутренними делами (ситуация в Чечне, состояние гражданского общества и гражданских свобод, свобода СМИ). Этот интерес вызывает в России раздраженность и подозрение в его инструментальном характере – попытке ослабить Россию или оказать на нее давление с целью получения экономических или политических уступок. Специфика российского понимания интеграции проявляется также в стремлении к приобретению прав и привилегий без несения равных издержек и обязанностей. Пока Россия будет придерживаться такой позиции, ее интеграция с Западом будет селективной и условной.

По мнению Ло, 11 сентября не принесло существенных изменений ни в русской внешней политике, ни в перспективах интеграции с Западом. Решение Путина оказать Соединенным Штатам поддержку в сентябре 2001 г. было всего лишь логичным последствием заранее принятого курса на сотрудничество и сближение с Западом. 11 сентября принесло ему бесценную возможность продемонстрировать необходимость

участия России в создании глобальной системы безопасности. Неожиданный и неотложный спрос на «услуги» в сфере безопасности со стороны самых сильных участников международной системы открывал перед Россией огромные политические и экономические возможности, а также позволял ей вернуться на мировую арену политики в качестве важного и желанного партнера, увеличивая одновременно свободу действий России в Чечне и во внутренней политике. Следовательно, Путин занял позицию «стратегического оппортунизма», пытаясь извлечь выгоду из благоприятного для России климата отношений с Западом, чтобы получить уступки в экономической сфере (условия вступления в ВТО, статус рыночной экономики, долги, доступ к рынкам, инвестиции), а также членство (на специальных условиях) в общих с Западом структурах и консультационных механизмах в сфере политики и безопасности.

11 сентября не устранило также ни одной из имеющихся раньше фундаментальных проблем в отношениях России с Западом. В экономической сфере по-прежнему неизвестно, «согласится ли администрация Путина управлять экономикой и торговлей России с другими странами в соответствии с общепринятыми в западных экономиках рыночными правилами» (С. 123). Об этом свидетельствуют трудности, которые испытывает Россия при выполнении условий вступления в ВТО и реализации Соглашения о партнерстве и сотрудничестве с Европейским Союзом. Неясно также, доведет ли общее с Западом участие России в западных структурах к постепенной конвергенции взглядов и способов мышления в сфере безопасности и, шире, к сближению политических культур. По обращает внимание на то, что заключенные после 11 сентября соглашения – «это верхушка айсберга, скрывающая большие разногласия, на устранение которых потребуется много времени, усилий и терпеливости» (С. 126).

По утверждает однако, что хотя на полную интеграцию России с западным миром не следует рассчитывать, то, по всей вероятности, Путин и впредь будет осуществлять политику прагматического сотрудничества с Западом. И не потому, что он прозападный, а потому, что такая политика отвечает российским национальным интересам. Соединенные Штаты и Западная Европа мощнее и богаче всех остальных партнеров, поэтому сотрудничество и дружеские отношения с ними должны лечь в основу какой бы то ни было прагматической

внешней политики России. Опыт последних 10-15 лет, однако, склоняет к осторожности: «не существует гарантии, что подход России к остальному миру не повернет неожиданно назад, если не к конфронтации, то хотя бы к очередному этапу неохотного и условного сотрудничества» (С. 112).

Итак, следует считаться с тем, что процесс сближения будет долгим и трудным, не свободным от кризисов, споров и недопониманий. В более долгой перспективе настоящим тестом будет поведение России, когда она восстановит свои силы и опять превратится в мировую державу. Ничто ведь не указывает на то, чтобы российская политическая элита или сам Путин ограничивали свои устремления до уровня средней региональной державы, как, например, Франция или Германия. Только тогда окажется, готова ли Россия окончательно отказаться от великодержавной традиции и стать «нормальным» национальным государством или же опять поддастся соблазну расширения своей сферы влияния и соперничества с Западом.

Представленный Бобо Ло анализ политики является, по крайней мере для пишущего эти слова, верным и убедительным. Бросается в глаза умение автора реконструировать скрытые предпосылки и парадигмы мышления, лежащие в основе путинской политики. Импонирует прежде всего умение показать сложное сплетение традиционных и новаторских элементов в политике Путина и мировоззрении российских элит. Сторонники реалистической теории международных отношений упрекнули бы автора в том, что слишком большую роль приписывает вопросам ценности и цивилизационного тождества во внешней политике.

Можно поспорить с автором и о том, исчез ли из российской политики мотив многополярного мира. Ведь «многовекторная» политика, которую все время осуществляет Кремль (что автор признает во многих местах, не развивая, к сожалению, этот мотив) была именно производной и орудием воплощения идеи многополярности. Так же трудно целиком согласиться с автором относительно «американоцентризма» путинской политики. В большинстве случаев, конечно, Кремль вынужден принимать во внимание позицию и политику Вашингтона как сильнейшего игрока в мировой системе. Однако не всегда самым предпочитаемым партнером, с которым на определенный момент Кремль захочет близко сотрудничать по конкретным вопросам, должен быть Вашингтон. Эволюция отношений в треугольнике Россия – Соединенные Штаты – Европа

(ЕС) показывает скорее, что в зависимости от констелляции интересов Путин ищет сближения и общности интересов то с Западной Европой (в период до 11 сентября и во время иракского кризиса), то с Соединенными Штатами (после 11 сентября) – согласно, впрочем, с концепцией многовекторности. Может быть эта недооценка значения многовекторного мотива в политике Путина связана с единственным слабым пунктом книги, то есть почти полным упущением азиатского направления в российской политике. Особенно более глубокий анализ политики Путина в отношении Китая мог бы внести коррективы в картину ее «западного центризма».

Эти полемические замечания не могут ни в какой степени повлиять на положительную в целом оценку книги, которая обладает всеми данными, чтобы стать обязательным чтением для каждого, кто интересуется внешней политикой России и Владимиром Путиным как политиком.